

Из писателей я последний, кто видел Зябрева живым.

Съездить к нему на дачу предложил Сергей Котельников, отставной армейский капитан, издавший несколько книг прозы и публицистики за немалые деньги из собственного кармана. Что же делать — такова нынче стоимость Божьего дара.

Машина его, старенькая тесная «Ока», бежала шустро, легко; дорога ровная, прямая как стрела; через полчаса свернули влево, к Борску, проехали учхозовское опытное поле, повернули направо — и вот он, дом-дача, где каждое лето проводит писатель с супругой Тамарой Фёдоровной.

Дом старый, разрушающийся, время не щадит его, жить зимой в нём уже нельзя, потому и был продан под дачу. Ворота высокие, железные. Сергей постучал, во дворе злобно залаяла собака, звеня цепью. На шум вышла хозяйка, отперла калитку. Когда-то Тамара Фёдоровна была настоящей сибирской красавицей с каштановыми волосами, правильным овалом лица, задорным румянцем на смуглых щеках.

Мы обнялись, и Тамара Фёдоровна сказала: — Хорошо, что приехали, а то он лежит, плачет, что все бросили его, не с кем пообщаться... Побудьте тут, пойдю подготовлю, — и поднялась по высокому крыльцу в дом.

— Плохо, что мы ничего не купили к чаю, хоть фруктов, — сказал я.

На что Сергей ответил:

— Ничего не надо, Тамара против. Анатолий Ефимыч ничего не ест, пьёт только тыквенный сок.

Собака грозно лаяла, скалила зубы, рвалась, натягивая цепь, не уgomонилась даже, когда хозяйка, выйдя из дома, строго прикрикнула на неё. Это Дина, Зябрев называл её «мой мини-волкодав».

Была ещё одна собачка, тоже рыжая, небольшая, молодая и тоже на цепи, забила в угол и молчит.

Тамара Фёдоровна водила нас по своему небогатому хозяйству: огород, заросший травой, несколько грядок и чахлах кустиков; банька с провалившейся крышей — некому починить, сыну некогда — работает, хорошо хоть завёз обоих сюда. Сергей сказал, что он и раньше бывал здесь: ничего не меняется... И не только Зябрев забыт братьями-писателями.

— Прошу в дом, он ждёт, — сказала хозяйка.

Пока я подымался, держась правой, безопасной, стороны крыльца, «мини-волкодав» всё пытался достать меня через щели между ступеньками.

Исхудавший, усеший до крайности — кожа да кости, Анатолий Ефимович сидел на кровати, одетый, на голове серо-белая кепочка, похожая на блин, тонкие руки покоятся на острых коленках — как супруга его подняла, как усадила, так он и сидел, не шевелясь, не мигая, уставясь в одну точку перед собой, без очков, невидящими глазами, челюсть ослабла... Но даже в этом своём бессилии он хотел выглядеть хорошо.

Тамара Фёдоровна поставила в отдалении два табурета:

— Садитесь, гости дорогие! — и тихо удалилась, чтобы не мешать нашему разговору с умирающим писателем.

Не поворачивая головы, не меняя положения тела, Зябрев с натугой спросил:

— Вы кто?

— Это я, Котельников, — ответил Сергей. — А рядом со мной Шанин Владимир Яковлевич.

— Шанин? Ага, Шанин... Который написал трилогию о Сурикове!

Зябрев судорожно сглотнул слюну.

— Читал... помолчал и вдруг заявил: — Ты должен был умереть, Володя. Написать такую вещь!.. Да, умереть, чтоб о тебе заговорили... Великий ты! Великий писатель!

— Обыкновенный сочинитель, — смутился я и подумал: «Заговаривается Толя...»

— Великий, — подтвердил Зябрев, — я знаю.

Я читал книги Анатолия Зябрева. Как тогда писала пресса, его очерки по стилистике были близки к «молодой прозе шестидесятых годов». Прозаики «четвёртого поколения» — те, кто пришёл в литературу с завода, со стройки, из села. Анатолий Зябрев — рабочий-строитель. Его книги очерков «Енисейская тетрадь» и «Позывные Галактики» (1962 год) написаны от имени участника знаменитой стройки Красноярской ГЭС.

«Енисейская тетрадь» с подзаголовком «Лирические записки» оживляет более пятисот трудовых будней лирического героя на ударной стройке.

— Я тогда же, в шестьдесят втором, прочёл твои «Тетради», — сказал я и заметил, как Зябрев шевельнулся. — Ты прошёл такую школу жизни, Толя,

дай Бог каждому из нас пройти такую. Многое и мне она тогда подсказала.

— Да, да... школа,— задумался Зябрев.

И я представил, о чём он мог думать. Может быть, и не думал вовсе, а я вот представил— как в книге:

«Я научился долбить мёрзлую землю, бросать землю лопатой, тесать брёвна, вбивать гвозди, пилить лес, жечь сучья, конопатить стены, бить кувалдой, вязать арматуру, укладывать бетон. Я научился не корчиться и не втягивать голову в плечи при пятидесятиградусных морозах, не отворачиваться, когда в лицо бьёт пурга, не прятаться под навес от студёного дождя, купаться в конце апреля и загорать в начале мая...»

— Лучшие мои годы. Школа жизни,— повторил Зябрев, словно бы очнувшись от задумчивости.

— Скоро тебе девяносто пять,— сказала я.— Будем отмечать юбилей. Думаю, будет широко представлено. Вспомним сцены из «Енисейской тетради», поговорим о твоих очерках— они бессмертны.

...К достоинству очерков Анатолия Зябрева, бесспорно, относится то, что автор, как отмечала критика, «сумел передать атмосферу сложного, подчас опасного труда, уважение к рабочим традициям, дух коллективизма на стройке, он ярко запечатлел романтику подвига землепроходцев современности» («Очерки русской литературы Сибири», т. 2, Новосибирск, 1982, с. 440).

В конце книги лирический герой говорит: «Я научился узнавать людей»,— и в этом автор видит самый значительный итог енисейской эпопеи.

Вот он, тот самый лирический герой, сидит перед нами, всё так же не шевелись, хотя, вижу, устал, ждёт, когда супруга, она же сиделка, нянька и бог знает кто ещё, придёт, уложит больного в постель, потому что сам даже этого сделать теперь не может.

— Прости, Анатолий Ефимыч, утомили мы тебя, уходим,— сказал я и поднялся.

— Уто... утомили,— прошелестел он одними губами.— Приходите на моё столетие. Прощайте!

Мы с Котельниковым вышли, провожаемые злым лаем «мини-волкодава», у ворот с Тамарой Фёдоровной обнялись на прощание и сели в машину.

На другой день я уехал к себе на дачу.

Уставший с дороги, я плюхнулся в качалку и, лениво обозревая дачные шесть соток, предался воспоминаниям.

Но почему я помню совсем не то, что годится к случаю? Почему давнее-давнее и не совсем приятное подсовывает мне моя возбуждённая голова? В деревне Борске, в разрушающемся доме, умирает мой товарищ, старейший писатель, а я вспоминаю, каким он был в молодости...

В сентябре 1967 года, двенадцатого числа, Анатолия Зябрева исключили из Союза писателей.

Причина банальна: сорокалетний красавец-мужчина с тонкими, как ниточка, усиками, в очках, писатель, красиво ухаживающий за женщинами, попал на карандаш ревнителей нравственности— и закрутилось дело: позорит писательскую организацию! Началось разбирательство, Анатолий не отрицал: «Ну и что? Ходит ко мне девочка. Может, я женюсь!»

И женился. Этой девочкой была Тамара Фёдоровна.

«Дело» развалилось, борцы «за чистоту писательских рядов» притихли, Анатолия Зябрева восстановили в членстве СП— тем всё и кончилось, но горький осадок остался.

Редко пересекались наши пути-дорожки: Анатолий Зябрев— человек нестандартный, с людьми сходилась постепенно, пока не узнает, можно ли ему довериться; речь у него торопливая, сбивчивая, порой несвязная, бежит впереди мысли— он, кажется, этого даже стеснялся. И хотя «научился узнавать людей» (для дела, для очерка, например), но сходилась трудно и редко с кем. Кажется, друзей у него и не было, а если с кем и общался, то опять же для дела. Звонит мне— ни «здравствуй», ни «прощай»— и сразу вопрос: «Как думаешь, перестройка— благо или „лопатой по башке“?»

Однажды пригласил меня Зябрев на просмотр художественного фильма «Вот моя деревня» по его сценарию. Кино привёз в Боготол известный режиссёр, ныне покойный, Виктор Трегубович, показал сперва своим землякам, потом красноярцам в клубе железнодорожников. Сюжет прост: директор совхоза (артист Алексей Булдаков) завёз в райконтору овощи и стал торговать по заниженным ценам. Сбежались рядовые служащие с авоськами, образовалась очередь, затем появился главный чин с милиционером— и сельского доброты с его товаром попросили вон: не положено, нарушение порядка!

На пресс-конференции я тогда ляпнул про стирание граней между городом и деревней, режиссёр пытался возразить, но махнул рукой, только Зябрев мне пояснил потом: «Насчёт стирания— не знаю, а что деревня стала неперспективной— это факт».— «Чем же она не угодила?»— спросил я. «Происки врагов. На наши нефть, газ, лес, никель мы всё у них купим, даже капусту...»

Сдаётся мне, он уже тогда чувствовал, всё понимал: и деревни не будет, и колхозы-совхозы развалятся, и бесчисленные отары овец в Хакасии враз исчезнут, и города замрут, ошарашенные, лишившиеся заводов и фабрик, и страна будет другая.

Всё так и случилось.

Кстати, о капусте. Помнится, собрались мы в командировку, сели в поезд— Зябрев, Алитет Немтушкин и я. Разложили на столике каждый домашнюю снесь: хлеб, колбасу, сыр, варёные яйца... Зябрев достал из своей торбы вилок свежей

капусты, откромсал пласт, сидит, хрумкает. Немтушкин расхохотался. А Зябрев пояснил: «Полезная вещь — витамины, понимаешь... Для здоровья. И зубы целы».

На зубы, как я помню, он никогда не жаловался. И вообще не пил, не курил.

Закалённый в боях и труде, Анатолий Ефимович Зябрев относился к тому поколению людей, о которых говорил поэт: «Гвозди бы делать из этих людей». Пятнадцатилетним подростком он уже работал на военном заводе в Новосибирске, оттуда ушёл в армию, служил в войсках мвд — и снова на завод. Работал шлифовщиком, писал заметки в заводскую многотиражку, его даже в штат пригласили. Писательство всё более становилось для него основой жизни. Очерки о людях труда, заводских рабочих посылал в журнал «Сибирские огни», их печатали, а однажды предложили: «Хочешь съездить в командировку? В Красноярский край. Там разворачивается большая тема — строится ГЭС. Привезёшь кучу очерков».

Зябрев поехал и... не вернулся.

Это был 1960 год. В 1964-м он уже стал членом Союза писателей СССР. В 1967 году переехал на постоянное место жительства в Красноярск.

Так Анатолий Ефимович стал летописцем сибирскихстроек, членом редколлегии журнала «Сибирские огни». Документальная проза принесла ему всесоюзную известность. Его очерки публиковались в журналах «Сибирские огни», «Молодая гвардия», «Октябрь», «Москва». Первая книга рассказов «Только-охотник» вышла в Новосибирске. Ныне он автор более тридцати книг.

...Через неделю я снова был дома, в Красноярске, и тут узнаю, что Анатолий Ефимович умер. Сообщил об этом Владимир Нестеренко. Я позвонил Сергею Котельникову, он подтвердил: да, писатель скончался во сне, Тамара Фёдоровна подошла его будить, а он уже холодный...

В памятном блокноте я записал: «А. Е. Зябрев умер 22 июля, погребён 26-го на Бадалыкском кладбище в секторе ветеранов со всеми воинскими почестями».

Прощай, друг!